

нией гласных, стирающей до неузнаваемости своеобразные приметы, огласовку славянского слова-источника. То же можно сказать и о преобразованиях начала слова, где венгерский язык всячески стремится избавиться от стечения согласных. Сочетание *st-* в начале славянского слова венгерский снабжает как правило гласной протезой, напр. венг. *asztal* 'стол' < слав. **stolъ*. Однако авторы словаря вряд ли правильно распространяли эту языковую тенденцию также на венг. *oszlop* 'столб, колонна' (стр. 1100–1101), считая, что источником заимствования послужили формы вроде ст.-слав. *стълъпъ*, подвергшиеся затем облегчающему произношение протезированию типа *asztal*. Ошибаются они также, полагая, что конкретный славянский источник не может быть здесь определен. Достаточно сослаться на русск. диал. (сев., вост.) *ослоб* 'дубина, кругляк', др.-русск. *ослопъ* 'дубина, палка', сюда же русск. *остолбъ* 'дурак' < '*дубина', чтобы найти точный славянский источник венг. *oszlop* и одновременно выяснить, что начальное *o-* было здесь уже в славянской форме, где оно, видимо, обозначало окружность столба, дубины (**ob-stъlpъ*).

Говоря о венг. *karácsony* 'рождество, новый год' (стр. 371), которое авторы правильно связывают со славянской лексикой, было бы полезно упомянуть этимологическое сближение русск. *корочун* 'зимний солнцеворот', болг. *крачун* 'день летнего или зимнего солнцеворота' и т. д. с лат. **quartum jējūnium* 'большой, четвертый пост' (A. V a i l l a n t . — «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор» 24, Београд, 1958, стр. 72 и след.). Ср. и венг. *kántorböjt*, название поста, производимое, как и нем. *Quatemberfasten* то же, из лат. *quatuor temporum jejunium* (стр. 351 словаря).

Пожалуй, не менее внушительная группа венгерской лексики по-прежнему остается неизвестной по своему происхождению. В этом убеждает чтение II тома настоящего словаря, где помета *ismeretlen eredetű* «неизвестного происхождения» мелькает очень часто и притом — в связи со словами древней, фондовoy венгерской лексики. Иного и трудно было бы ожидать от языка со столъ значительной миграцией, сложной историей и сложным словарным составом. В этом смысле уместна аналогия между венгерским и греческим, поскольку словарь последнего тоже в значительной степени состоит из невыясненных элементов и тоже по причине длительной миграции и наследия на негреческий субстрат.

В единичных случаях заглавное слово словарной статьи оказывается результатом реконструкции. Таково, напр., *jő²* 'река' (стр. 276), которое определено как *kihalt szó* 'вымершее слово' и достоверные венгерские свидетельства о котором известны только из гидронимии, ср. название реки *Sajó*. Точности ради следовало бы и обозначить это слово как реконструированное: **jő*. Так, в новом болгарском этимологическом словаре дается, например, как реконструкция заглавное слово **вес* 'село', сохранившееся только в названиях населенных пунктов *Долга-ец* и др. (см. Георгиев БЕР II, 136).

O. N. Трубачев

M. Rässänen.

Versuch eines etymologischen Wörterbuchs des Türksprachen.
Helsinki, 1969, XVI—533 стр.

Новый труд М. Рясянена начинается с краткого авторского предисловия, в котором определены задачи исследования, охарактеризованы основные его источники и структура словарных статей, отмечены методические и технические приемы оформления материала.

М. Рясянен не случайно употребил в названии своего словаря слово *Versuch* (Опыт), так как неставил себе целью дать окончательную обработку тюркской лексики в смысле полноты ее охвата и исчерпывающих библиографических сведений.

Словарь М. Рясянена представляет собой закономерное продолжение его прежних трудов синтезирующего характера по сравнительной фонетике и морфологии тюркских языков¹. Его представления о пратюркском фонетическом строе, структуре и происхождении корневых основ и суффиксов явились отправным пунктом для этимологий, предлагаемых в словаре. Основу словаря составили и многолетние этимологические разыскания, отраженные как в упомянутых выше книгах М. Рясянена, так и в его многочисленных журнальных публикациях². Таким образом, словарь М. Рясянена — это обобщение солидного опыта ученого в сравнительно-исторических исследованиях по тюркским языкам.

Говоря о своих предшественниках, М. Рясянен называет в предисловии лишь словарь А. Вамбери³. Нам кажется, что по содержанию и типу работы М. Рясянена ближе к популярному у нас «Сравнительному словарю турецко-татарских наречий» Л. Будагова⁴, так как, по сути дела, оба словаря являются сравнительно-этимологическими.

В словаре М. Рясянена преобладают три вида словарных статей.

Наиболее прозрачными и четкими по структуре являются статьи, где тюркское слово определено как заимствование из других языков (арабского, персидского, монгольского, русского и т. д.) или как производная форма от другого тюркского слова (корневой или производной основы). Например⁵: «чагат. и т. д. *bälki* ‘может быть’ < перс. *balki*» (стр. 69) или «КБ. чагат. осм. крм. *ögrän* ‘учиться, привыкать’, КБ. чагат. *ögrät* ‘учить’; чагат. *ögṛül* ‘учиться, быть изучаему’ < *ö-g* ‘разум, понимание’ < *ö(j)* ‘понимать’» (стр. 369).

Когда источник заимствования или направление его остаются неясными или же несколько алтайских языков имеют заимствование из одного источника, М. Рясянен использует специальный технический прием: знак =. Например: «ком. *bolar*; *bolor* ‘хрусталь’=монг. (KWb 50) *bolur* то же < перс. *bolür* (стр. 79)» или «**bög*: якут. *bïö* ‘пробка’, ойр. и т. д. *rök*; чагат. *bög-üt* ‘пуговица, кляп’, якут. *bïö-lä* ‘закупоривать’=монг. (KWb 54) *bög-le* ‘затыкать, закупоривать’» (стр. 82).

Второй тип статей имеет более сложную структуру. В качестве заглавного слова выносится реконструируемая пратюркская форма или реальное тюркское слово, фонетически, по мнению М. Рясянена, наиболее близкое к ней. Далее следуют слова из живых тюркских языков и памятников, по возможности, как указывает в предисловии автор словаря, в исторической последовательности. Только чувашские и якутские слова помещены в конце словарной статьи. За корневыми словами приводятся важнейшие производные (при этом автор показывает их морфемный состав) и, наконец, параллели из других алтайских языков: монгольских, тунгусо-маньчжурских и корейского или уральские параллели.

¹ См. M. Räsänen. Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen. Helsinki, 1949; он же; Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957.

² См. P. J u r k ä n k a l l i o. Die sprachwissenschaftlichen Veröffentlichungen von Prof. Dr. Martti Räsänen. — «Studia Orientalia», vol. 19, Helsinki, 1953, 14 стр., J. A г o. Die sprachwissenschaftlichen Veröffentlichungen von Prof. Dr. Martti Räsänen. «Studia Orientalia», vol. 28, Helsinki, 1964, стр. 5.

³ H. Vámbéry. Etymologisches Wörterbuch der turko-tatarischen Sprachen. Leipzig, 1878.

⁴ Том I. СПб., 1869; том II. СПб., 1871; переиздан в 1960 году.

⁵ В целях экономии места для иллюстрации отобраны наиболее краткие словарные статьи, хотя они могут быть менее показательны в других отношениях. Иллюстративный материал из словарядается в переводе на русский язык, названия языков и диалектов сохраняются: так, вместо тат. =татарский остается каз. =казанский и т. д.

Нередко в словарной статье представлена лишь ее первая часть — сравнительные данные тюркских языков. Например: «**baka*: туркм. *kur-baka* 'лягушка', *kur-bâya* 'жаба', уйгур. ср.-турк. чагат. казах. и т. д. *baka* 'лягушка, жаба', карач. *taka*, кюэр. *taya*, осм. якут. *bayâ*, ойр. тел. саг. *raka*, *rayâ* (др.-болг. > венг. BTLU 42 *béka*) » монг. (Lessing) *baqa* то же» (стр. 58).

Иногда в конце словарных статей дается библиография.

Третий тип словарных статей — это простая регистрация какого-нибудь тюркского слова без указания на его возможные этимологические связи. Например: «сойон. *ivi* 'олень'» (стр. 175), «осм. *bodur* 'коротконогий'» (стр. 78) и т. д. Автор в предисловии мотивирует включение этих слов в словарь тем обстоятельством, что хочет обратить на них внимание будущих исследователей.

Во многих словарных статьях отмечено, что тот или иной тюркизм попал в другие языки, например, финно-угорские, славянские и т. д. (см., например, интересные статьи с заглавными словами **käbîz* (стр. 244—45), *toy-dak* (стр. 483), *sâzan* (стр. 406) и многие другие).

В словаре сообщаются очень краткие сведения о значениях этимологизируемых слов, что опять же оговорено в авторском предисловии. Однако для подкрепления ряда этимологий М. Рясянен привлекает параллели в семантическом развитии из языков различных семей (например, в статьях с заглавными словами *âb* 'дом', *basau* 'пашня', *kulkak* 'ухо', **kad* 'месить тесто', *jarmak* 'деньги' и т. д.).

Многие особенности рецензируемого словаря обусловлены тем, что он базируется главным образом на этимологических исследованиях самого автора и естественно отражает его взгляды на основные проблемы тюркского сравнительного языкознания. Праформы, предлагаемые М. Рясяненом, могут вызвать возражения у исследователей, восстанавливающих другую систему пратюркского вокализма и консонантизма; его алтайские параллели, вероятно, могут быть дополнены и уточнены, а некоторые из них даже оспорены; библиография этимологий дана в несравненно большем объеме, число примеров из живых тюркских языков и диалектов значительно увеличено. Но все эти желания, а, возможно, и какие-то иные, следуют предъявлять уже к будущим этимологическим словарям, а «Опыт» М. Рясянена полностью отвечает задачам, намеченным для себя автором, и все упущения исследователя и своеобразие его подхода к подаче и интерпретации материала достаточно обоснованы и объяснены в его предисловии к словарю.

Впервые в тюркологии сделана попытка объяснить происхождение основной массы тюркской лексики. Реконструкции М. Рясянена опираются на строгие фонетические соответствия, им учитываются семантические закономерности.

Самостоятельный интерес представляют сведения о проникновении многих тюркизмов в языки других семей: финно-угорские, славянские, самодийские. Так, например, русист найдет в словаре М. Рясянена полезные данные о словах *ковер*, *дрофа*, *товар*, *толмач*, *кумыс*, *хрен*, *вор*, *ватага*, *брага*, *сычуг*, *сверюга* и т. д.

М. Рясянен обращает внимание и на тюркизмы в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, а также тюркские заимствования в языках тюркских (например, тюркизмы чувашского языка, слова с инлаутным и ауслаютным *z* в *j*-туркских языках и т. д.).

Алтайские и уральские параллели М. Рясянена несомненно помогут исследователям при выяснении генетических связей языков обеих семей.

Без обращения к словарю М. Рясянена едва ли теперь возможно этимологическое изучение лексики многих языков.

И все-таки нам представляется небесполезным указать на некоторые недочеты словаря, хотя они, пожалуй, оправданы и неизбежны при создании крупного синтезирующего труда подобного типа.

В словаре принят алфавитно-гнездовой порядок расположения материала: основные производные анализируются при соответствующей корневой

основе. Однако в ряде случаев М. Рясянен допускает неоправданные отступления от этого правила. Так, *oŋaj* 'легкий' приводится в статье *oŋ* (стр. 362), но хакасское *öj* 'легкий', представляющее фонетический вариант *oŋaj*, выделено в самостоятельную словарную статью, глагол *oŋra < oŋur* 'время' (стр. 357) отделен от *oŋur* 'время' (стр. 358), так же даются некоторые производные глагола* *jär* 'раскалывать' (стр. 189 и 190) и т. д.

Морфемный анализ производного слова сводится к его расчленению на корневую основу и аффикс. Но этот прием, как нам кажется, недостаточен, если дело идет о непродуктивных словообразовательных моделях.

Для некоторых слов М. Рясянен предлагает две этимологии, но почему-то статьи не имеют взаимных отсылок. Так, чувашское *samtäk* 'молодой' на стр. 105 возводится к *čärmäk, а на стр. 198 к *järmek, глагол *iv* 'спешить' приводится в статье *äb ~ äv* (стр. 34) и в самостоятельной статье (стр. 175), две статьи посвящены слову *jängäc / lengeç* 'краб' (стр. 197 и 316).

Иногда слово в словаре М. Рясяненадается без каких бы то ни было комментариев, хотя оно уже обсуждалось в специальной литературе: например, осм. *saly* 'вторник' (А. Н. Самойлович и Ж. Дени), сойон. *ivi* 'олень' (А. М. Щербак) — казах. *bütňik* 'мята' (Е. Д. Поливанов⁶) и т. д.

Некоторые производные, приводимые в словаре без морфемного анализа, могут быть разложены на составляющие морфемы, если привлечь данные других тюркских языков. Так, например, осм. *icik* 'пузырьки', образующиеся на губах (от жара, лихорадки), легко поддается анализу с привлечением кумыкского глагола *учун-* 'высыпать (о сыпи)', 'обметывать (губы)'; для ср.-турк. осм. *kökän* 'ножные пути (у животного, которое нужно доить)' и т. д. также показательно туркм. *koker-* 'привязывать овец во время дойки' и чуваш. *käkar-* 'привязывать'.

Указывая на заимствования, М. Рясянен не всегда дает переводы слов языка-источника, хотя они бывают важны для установления тождества слова.

Словарь М. Рясянена, конечно, не является единственным возможным типом этимологического словаря тюркских языков. Другие исследователи, вероятно, иначе подойдут к составлению словарника и конструированию словарных статей, сосредоточат внимание на морфологическом анализе производных основ, предложат реконструкции значений и т. д. Но значимость труда М. Рясянена для последующих этимологических штудий представляется нам бесспорной, и его новая книга, наряду с прежними обобщающими трудами по фонетике и морфологии тюркских языков, будет необходимым справочником для языковедов многих специальностей.

Л. С. Левитская

В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев.

Краткий этимологический словарь коми языка.

М., изд-во «Наука», 1970, 386 стр.

Вышел в свет первый коми этимологический словарь, составленный В. И. Лыткиным и Е. С. Гуляевым. Среди существующих ныне по различным финно-угорским языкам словарей он является первым собранием слов, на-

⁶ А. Самойлович. Названия дней недели у турецких народов. «Яфетический сборник», II. Пг., 1923, стр. 103; J. Depuy. Le nom de mardi en osmanli. — ZDMG, Bd. 104 (29), Hft. 2, Wiesbaden, 1954, стр. 383—385; А. М. Щербак. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, стр. 134; Е. Д. Поливанов. Введение в языкоизнание для востоковедных вузов. Л., 1928, стр. 56.